

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ П

ЛЮБИМЫЙ ФИЛЬМ КОСМОНАВТОВ

Похоже, что 55-летнему кинорежиссеру Владимиру Яковлевичу Мотылю известна некая магическая формула успеха: его картины смотрят сотни миллионов зрителей более чем ста стран. Что касается приключенческой ленты «Белое солнце пустыни» — самого известного его фильма, то здесь сами за себя говорят такие цифры: в первый год в СССР эту ленту посмотрели более 50 миллионов зрителей, на следующий — еще больше, а на третий — почти столько же, сколько за два предыдущих года. Такой популярности в немалой степени способствовали... космонавты. Они смотрят «Белое солнце пустыни» перед каждым стартом на Байконуре. Это стало для них и своего рода психотерапией (медики утверждают, что картина снижает предстартовое волнение) и игрой (они изобрели даже викторины на тему фильма). Космонавт Севастьянов как-то подсчитал, что видел фильм не менее 40 (!) раз, а когда спросили Леонова, как ему не надоедает много-много раз смотреть «Солнце», он ответил, что в картине существует, очевидно, та гармония, которая заставляет нас возвращаться, например, к любимейшей музыке, песне...

Вероятно, понятно, почему наша беседа с Мотылем — режиссером, несомненно, тонко чувствующим пульс зрительского интереса, началась с вопроса, который сейчас широко дискутируется в нашей прессе: «Кино — зрелище, развлечение или воспитание?».

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из моих коллег считал (если он, конечно, сознательно не идет на полемическое заострение темы разговора), что нужны только воспитательные фильмы или же только развлекательные, — отвечает Владимир Яковлевич. — Необходимость некоего диалектического единства этих начал, на мой взгляд, не просто философское ощущение, а ощущение практики. Достаточно оглянуться на историю советского кино: скажем, «Броносец «Потемкин», что это — зрелище или воспитательная картина? Эйзенштейн блистательно владел всем каскадом «аттракционов», но за всем этим вставали идеи революции, ее стихия... А вспомним классику более близкую: «Летят журавли» Калатозова или «Андрей Рублев» Тарковского. Эти фильмы выстроены так, что невозможно отделить их зрелищность от воспитательного эффекта.

Однако я не отрицаю права на существование и чисто развлекательных фильмов. Не вижу никакого криминала в желании человека отвлечься после нелегкого трудового дня. Французский комедиограф Пьер Этекс снял фильм «Воздыхатель» — чистейшую комедию без каких бы то ни было нравов учений. Я не поклонник таких картин, но тем не менее полтора часа смеялся и восхищался блистательным искусством Этекса.

Но существует и иное кино, в котором философские, политические и публицистические функции определяются самим жанром. На политический, скажем, фильм люди идут вполне сознательно, желая узнать что-то новое о положении в мире, познакомиться с новыми идеями, с публицистическими концепциями.

— Создатели таких полубившихся зрителям фильмов, как «Москва слезам не верит» и «Экипаж», говорили, что еще в начале работы над этими картинами знали, что их будущие творения — «обречены на успех». А как по-вашему, можно ли действительно прогнозировать успех фильма?

— Уверен: о зрителе думать надо всегда, и даже те режиссеры, которых подчас

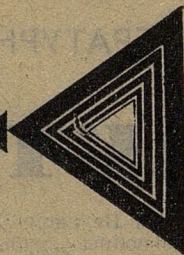
критикуют за элитарность, так или иначе учитывают интересы аудитории, по крайней мере своей. Но существует простая формула психологии: нет легче способа провалить работу, чем постоянно разглагольствовать о ее будущем успехе. Тотальное «прогнозирование» успеха ведет, на мой взгляд, к некой индустрии шаблона. Можно, конечно, помнить о некоторых расхожих зрительских вкусах, удовлетворить их серией нехитрых приемов, но разве об этом мечтает художник? Следует ли гордиться широкой аудиторией, если ты собрал ее при помощи, скажем, «тарзаньей эпопеи»? Широкая аудитория не самоцель. Самоцель — сделать Искусство достоянием широких масс.

Что касается причин необыкновенного успеха «Экипажа» Митты и картины Меншова «Москва слезам не верит», необходимо вспомнить, что еще недавно в нашем кино делалось изрядное количество, так сказать, повествовательных фильмов с весьма расплывчатыми жанровыми признаками. И сразу же нашли своего зрителя. По определению самих авторов, фильм «Москва слезам не верит» — мелодрама-сказка: он не претендует на реалистическое, объ-

емное отображение жизни, но зритель, принимающий его, и относится к нему как к мечте, как к сказке... Эта мелодрама сделана высокопрофессиональными руками, с учетом законов жанра.

— А какие закономерности такого рода Вы можете проследить на примерах собственных картин?

— Снимая «Звезду пленительного счастья», фильм о декабристах, я, естественно, думал о зрителе. И хотя некоторые специалисты предсказали холодный прием (исторический фильм, сложная форма, далекое прошлое), в первый же год проката только у нас ее посмотрели 44 миллиона зрителей, картину купили более тридцати стран... Однако / неожиданным для меня было то, что «Звезду...» в первую очередь приняла молодежь (14 — 20 лет). Так вот, психологи, занимающиеся вопросами зрительского восприятия, объяснили мне, что поскольку этот фильм, несмотря на сложность формы, очевидно, апеллирует скорее к чувству, нежели к разуму, он легче воспринимается именно молодым зрителем, а люди постарше, имеющие свои представления об исторических событиях, обладают некой «заслонкой», воспринимая

ДОМ КИНО

фильм рационально, а не чувственно.

— Ваш новый фильм «Лес» (экранизация пьесы А. Н. Островского) уже закончен, а над чем Вы работаете сейчас?

— Скажу лишь о форме следующего фильма. Скорее всего это будет трагикомедия. Сегодня, когда человек становится свидетелем множества разнообразнейших событий, он, наш зритель, способен мгновенно переключаться от горестного к смешному...

— Итак, Вы вновь учитываете зрителя?

— Конечно. Но именно — учитываю, а не стремлюсь угодить ему.

Беседу вел журналист
С. АВДЕЕНКО.